

Глава 5

ПЕРОМ И ШАШКОЙ

В 1918—1919 гг. большевики считали Дон главной опорой контрреволюции — своеобразной «русской Вандеей». Тем не менее известно, что даже в наиболее тяжелые для Советской власти моменты на стороне красных сражалось от 15 до 20% казаков.

Когда-то Наполеон называл донцов «лучшей легкой кавалерией в Европе». Вероятно, понаблюдав за ходом Гражданской войны в России, он не изменил бы своего мнения. Правда, теперь станичники бились не с внешним врагом, а друг с другом. По разные стороны фронта воевали выходцы из одной станицы, одного хутора, одной семьи.

И красные и белые имели своих вождей, чьи имена стали знаковыми для истории казачества. Генерал П. Н. Краснов был символом независимой Донской республики, бывший войсковой старшина и впоследствии командарм Ф. К. Миронов сплотил вокруг себя тех, кто желал видеть Дон советским.

КРАСНОВ

Род Красновых издавна был славен на Дону. Первый известный представитель этого семейства Иван Кузьмич Краснов скончался от раны, полученной за два дня до Бородинского сражения, став единственным казачьим генералом, погибшим в Отечественную войну 1812 г. Сын и внук героя — оба Иваны Ивановичи — также дослужились до генеральских званий.

В Крымскую войну при обороне Таганрога Иван Иванович-младший и его сын Николай (правнук Ивана Кузьмича Краснова и отец нашего героя) во главе своих казаков атаковали и захватили севшую на мель английскую канонерку. Этот эффектный бой конницы против флота вызвал большой резонанс в тогдашней европейской прессе.

При этом оба Красновых были не только кавалеристами, но и литераторами. Иван Иванович-младший написал массу очерков по истории казачества, а Николай Иванович составил хрестоматийный труд «Военно-статистическое описание земли Войска Донского».

Фамильные способности Красновых перешли по наследству к сыну Николая Ивановича — Петру. Родился он в 1869 г. в Санкт-Петербурге. Как и другие представители казачьей аристократии, Красновы предпочитали жить в столице, однако приписаны они были к станице Вешенской, где им даже полагались земельные пай.

Являясь человеком широко образованным и сугубо светским, Петр Николаевич несколько романтизировал и идеализировал «родину предков», довольно слабо разбираясь в подлинных реалиях казачьей жизни. Впоследствии этот романтизм и идеализм будут стоить ему многих ошибок.

В 1889 г. Краснов закончил 1-е Павловское военное училище по первому разряду. Имя его было занесено на мраморную доску. Имея право самостоятельно выбрать место службы, Петр Николаевич отдал предпочтение второму по престижности среди казачьих полков — лейб-гвардии Атаманскому. С 1891 г. он начинает активно публиковаться в печати, затем поступает в Академию Генерального штаба, но вылетает оттуда после первого курса. Литературная деятельность не очень удачно сочеталась с учебной.

В 1897 г. Краснов командовал конвоем, сопровождавшим посольство к эфиопскому негусу Менелику II. В Аддис-Абебе казаки потрясли негуса лихой джигитовкой, причем сам Петр Николаевич был в этих упражнениях одним из первых.

Вернувшись из африканского путешествия, Краснов женился на Лидии Федоровне Гринейзен (дочери действительного статского советника). В последующие пятнадцать лет он участвовал в двух войнах (в 1900 г. — против китайцев и в 1904—1905 гг. — против японцев) и продолжал писать, писать, писать... Из-под его пера выходят книги по казачьей истории («Атаман Платов», «Донцы», «Атаманская памятка» и др.), сборники путевых и военных очерков («Казачи в Африке», «Казачи в Абиссинии», «Борьба с Китаем», «По Азии»), романы («Любовь абиссинки», «В житейском море», «Погром» и др.).

В самом начале Первой мировой войны Краснов во главе своего 10-го Донского полка лихо прошелся по австрийским тылам, за что был удостоен Георгиевского оружия и произведен в генерал-майоры. Как военачальник он выделялся редким умением водить свои части в картинно-красивые атаки и при этом почти не нести потерь.

В августе 1917 г. Временное правительство доверило ему командование не слишком благонадежным 3-м конным корпусом, еще недавно считавшимся главной ударной силой корниловского мятежа.

К главе «временных» Керенскому Краснов относился с неприязнью, однако все-таки считал его меньшим злом по сравнению с большевиками. Именно поэтому, когда Керенский бежал из восставшего Петрограда, Петр Николаевич не отказал ему в помощи и двинул свой корпус на столицу.

Отряды Краснова заняли Гатчину и Царское Село, однако 30 октября под Пулковом были остановлены многократно превосходящими силами большевиков. Заключили перемирие, и в Гатчину прибыли парламентареры. Казаки предложили им своеобразный обмен: «Мы вам — Керенского, а вы нам — Ленина... Ухо на ухо поменяем». Пока шли переговоры, Гатчину заполнили многотысячные толпы революционных солдат и матросов в которой горсточка казаков совершенно затерялась. Керенский бежал, а Краснова под предлогом переговоров доставили в Смольный.

Впоследствии большевики утверждали, что именно тогда Петр Николаевич дал честное слово не воевать против Советской власти. Сам Краснов заявлял, что никакого честного слова не давал, а отпустили его исключительно по требованию казаков. Вся эпопея с походом на Петроград закончилась тем, что 3-й корпус во главе с его командиром получили гарантии беспрепятственного возвращения на Дон.

В феврале 1918 г., распустив своих казаков по домам, Петр Николаевич прибыл в донскую столицу Новочеркасск. Вскоре город оказался в руках красных, и Краснову пришлось укрыться в станице Константиновской.

Однако уже в апреле бесчинства красногвардейских отрядов и попытки передела казачьих земель в пользу «иногородних» вызвали на Дону массовое антибольшевистское движение. Вдобавок с Кубани из своего «Ледяного» похода вернулась Добровольческая армия генерала Деникина. К началу мая при помощи добровольцев казаки отбили несколько станиц, овладели Новочеркасском и крупнейшим городом Донской области Ростовом.

16 мая в казачьей столице собрался так называемый Круг Спасения Дона, провозгласивший Краснова новым Донским атаманом. Петр Николаевич добился для себя почти диктаторских полномочий, заявив делегатам: «Творчество никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников». Несмотря на столь трескучее и претенциозное заявление, Краснов довольно быстро сумел доказать, что кроме писательского дарования он владеет незаурядными талантами политика и администратора.

Вплоть до «восстановления единой России» Дон провозглашался независимым государством. Вводились новые гимн («Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон»), герб (голый казак, сидящий при оружии верхом на винной бочке) и флаг (сине-желто-алый, символизировавший «три народности, издревле живущие на донской земле», — казаков, калмыков и русских). На освобожденной от красных территории быстро восстанавливалась

нормальная жизнь: открывались новые школы, работали заводы и фабрики, по расписанию ходили поезда и даже извозчики брали с клиентов по дореволюционным расценкам. С немцами, оккупировавшими соседнюю Украину, Краснов установил союзнические отношения, поставляя им в огромных количествах зерно и получая в обмен по бросовым ценам оружие с трофейных складов русской армии.

К концу лета Донская республика достигла пика своего могущества. Ее вооруженные силы составляли около 30 тыс. пехоты и такое же количество конницы, 175 орудий, 4 бронепоезда, 20 аэропланов плюс находящаяся в стадии формирования 20-тысячная молодая армия из 19—20-летних призывников. В этот момент Ленин считал, что у Советской власти есть два главных врага — «чехословаки и Краснов».

Против красных казаки сражались плечом к плечу с Добровольческой армией, руководство которой твердо придерживалось англо-французской ориентации и считало себя в состоянии войны не только с большевиками, но и с немцами. Краснов же считался «германофилом», и в конце концов дружба с «тевтонцами» вышло ему боком. В ноябре 1918 г. Германия проиграла Первую мировую войну. Победившая Антанта выразила намерение помочь свержению Советской власти оружием, припасами и войсками, однако требовала перехода всех антибольшевистских сил на юге России в подчинение Деникина. Фактически это означало отставку Краснова.

Петр Николаевич еще мог бы сохранить свой пост, но как раз в этот момент его войска начали терпеть поражения. Соседняя же Добровольческая армия, наоборот, одну за другой одерживала блестящие победы на Северном Кавказе. 14 февраля 1919 г. очередной Войсковой круг потребовал отставки командующего Донской армией Денисова и начальника штаба Полякова. Петр Николаевич заявил, что убрать от него этих лиц все равно, что «обрубить ему обе руки», и сложил с себя обязанности войскового атамана. После бурных дискуссий отставка Красно-

ва была принята. Принеся его в жертву, делегаты небезосновательно рассчитывали на получение помощи от союзников и Добровольческой армии. Именно поэтому новым войсковым атаманом выбрали старого соратника Деникина генерала А. П. Богаевского.

Через пять дней после круга на новочеркасском вокзале состоялись торжественные проводы Краснова. Петр Николаевич отбыл за границу, но уже осенью 1919 г. вернулся в Россию и вступил в Северо-Западную армию Юденича. Во время похода на Петроград он руководил отделом пропаганды армии, затем, после отхода Юденича в Прибалтику, принимал участие в переговорах с эстонским правительством.

Начиная с 1920 г., Краснов жил сначала в Берлине, затем в Париже. Здесь он вновь вспомнил о своем ремесле писателя. Опубликованные им романы «От двуглавого орла к красному знамени», «Все проходит», «Опавшие листья», «Единая и неделимая», «Цареубийцы» и др. пользовались большим успехом у читающей публики и были переведены на многие европейский языки. Показательны названия еще двух романов Краснова: «Ненависть» и «Понять — простить». Сам Петр Николаевич «понять-простить» так и не смог...

Он приветствовал нападение Германии на Советский Союз и в 1944 г. возглавил так называемое Управление казачьих войск при Министерстве восточных территорий. Созданные при его участии казачьи части вместе с немцами сражались против Красной армии и югославских партизан.

После разгрома Германии эти формирования попытались укрыться на оккупированной англичанами территории. Однако британцы не желали ссориться со своими союзниками. Несколько тысяч казаков были переданы советскому командованию. Не избежал этой участи и Краснов.

В начале июня 1945 г. он был доставлен в Москву и заключен в Лубянскую тюрьму. Судебное разбирательство длилось полтора года, и лишь 17 января 1947 г. «Правда»

опубликовала сообщение о казни через повешение шести «агентов германской разведки» и «главарей вооруженных белогвардейских частей в период Гражданской войны». Первой в списке осужденных стояла фамилия бывшего атамана Всевеликого Войска Донского Петра Николаевича Краснова.

МИРОНОВ

Филипп Кузьмич Миронов родился 27 октября 1872 г. на хуторе Буерак-Сенюткином Усть-Медведицкого округа в бедной казачьей семье. Окончив церковно-приходскую школу и два класса Усть-Медведицкой гимназии, в отличие от других детей бедняков, он решил любой ценой продолжить свое образование и выбиться в люди. Из-за нехватки средств Миронову пришлось самостоятельно пройти оставшийся гимназический курс, проявив при этом редкое трудолюбие и упорство. В военных играх и занятиях он также был одним из лучших, что сыграло свою роль при поступлении в Новочеркасское казачье юнкерское училище.

В 1898 г., честолюбивый молодой человек сумел стать офицером, а через пять лет был избран станичным атаманом в станице Распопинской. В 1904—1905 гг. в составе 26-го Донского казачьего полка Филипп Кузьмич принял участие в Русско-японской войне. За храбрость он был награжден четырьмя орденами и произведен в подьесаулы. Тем не менее, несмотря на наметившийся карьерный рост, окружающая действительность Миронова явно не устраивала: слишком много, по его мнению, было в ней бедности и несправедливости.

Не удивительно, что начавшаяся первая русская революция не оставила Филиппа Кузьмича равнодушным. В июне 1906 г. на станичном сборе в Усть-Медведицкой казаки приняли решение не участвовать в новой мобилизации. В качестве делегата казаков Миронов отвез составленный на сборе приговор в Петербург в Государственную Думу. На обратном пути он был арестован и посажен на гауптвахту

в Новочеркасске. Узнав об этом, усть-медведицкие казаки захватили в качестве заложника окружного атамана и освободили его лишь после того, как Миронов был отпущен.

Естественно, власти этот эпизод Филиппу Кузьмичу припомнили. Правда, учитывая популярность Миронова среди казаков, его сначала отправили проходить службу в один из действующих полков. Здесь горячий правдолюбец не преминул сцепиться со своим непосредственным начальником и тут же был отчислен из Донского войска (с лишением чина подьесаула «за действия, порочащие звание офицера»).

Некоторое время ему пришлось работать водовозом, затем начальником земельного стола областного управления и помощником смотрителя заповедных рыбных ловель в гирлах Дона.

С началом Первой мировой войны, подобно многим другим оппозиционерам, Миронов поддался «шовинистическому угару» и попросил взять его в армию хотя бы рядовым или вольноопределяющимся. До подобных крайностей дело не дошло: Филиппу Кузьмичу вернули звание подьесаула, и осенью 1914 г. он прибыл на фронт во главе сотни «охотников» 30-го Донского казачьего полка.

В одном из первых же боев Миронов так отличился, что получил Георгиевское оружие. За последующие два года он был награжден еще четырьмя орденами, дослужившись до звания войскового старшины (подполковника) и помощника командира 32-го Донского казачьего полка.

Февральская революция застала Филиппа Кузьмича по дороге из родной Усть-Медведицкой (где он долечивался после очередного ранения). Миронов завернул в Петроград и лишь насмотревшись на политические баталии вернулся в свою часть. После Октябрьской революции казаки избрали его командиром и тут же решили расходиться по домам.

Вновь оказавшись на Дону, Филипп Кузьмич энергично поддержал новую власть, заняв пост члена военно-революционного комитета и военного комиссара Усть-Медведицкого округа.

Правда, уже в мае 1918 г. под натиском белоказаков бойцам Миронова пришлось оставить станицу Усть-Медведицкую и отступить к слободе Михайловка. Здесь он едва не был расстрелян местными большевиками, поскольку выяснилось, что при отступлении «забыли» один из красногвардейских отрядов, который практически целиком погиб. На сей раз смерть обошла Миронова, а в течение последующих шести месяцев он сумел полностью себя реабилитировать.

Среди местных красных командиров Филипп Кузьмич оказался едва ли не единственным, кто прекрасно разбирался в специфике Донского края. Большое значение в этот период играли различия между так называемыми «верховыми» (сравнительно небогатыми) и «низовыми» (более состоятельными) казаками. «Заступник народа» Миронов пользовался огромным авторитетом и популярностью именно у своих земляков — казаков «верховых» северных станиц.

При этом Филипп Кузьмич умело пускал в ход идеологическое оружие, распространяя в войсках Краснова листовки собственного сочинения. Написаны они были с блестящим знанием казацкой психологии: в них не отрицался сам факт «большевистских перегибов», однако умело обыгрывалась традиционная для станичников неприязнь к «господам и барам»:

«Казаки... Что же лучше: власть народа, власть советов, власть, которую вы, казаки и солдаты, сами создали, сами исправляете, или власть генералов, капиталистов, помещиков и дворян?! <...> Не ругайте особенно Красную гвардию! <...> Она свое дело сделала — не дала контрреволюционером съесть революцию, а с нею не дала еще генералам — власти, помещикам — земли, капиталистам — их капиталы...».

Сам Миронов всегда ограждал мирных жителей от самочинных реквизиций, великодушно обращался с пленными, а в тех случаях, когда речь шла о простых казаках, зачастую просто отпускал их на свободу. Не удивительно, что молва о нем постепенно растекалась по всему Дону, и даже вождь

белого казачества атаман Краснов с горечью признавал: «Офицеров у меня много, а Миронова ни одного».

Производя мобилизацию в занятых областях, Филипп Кузьмич имел к сентябрю 1918 г. около 7,5 тыс. бойцов, 18 орудий и 40 пулеметов. Все эти силы были объединены в 1-ю Медведицкую Советскую дивизию имени Миронова (впоследствии переименована в 23-ю). Тогда же легендарный комдив получил от ВЦИК орден Боевого Красного Знамени за № 3 (№ 1 наградили Блюхера, № 2 — Махно).

В январе 1919 г. большевистские части захватили верхнедонские округа. Краснов констатировал факт распада Донской армии: «Яд недоверия стал слишком силен, и люди в лучшем случае расходятся с оружием в руках по домам, в худшем передаются товарищу Миронову, который сулит им рай Советской власти и золотые горы».

Разумеется, никакого «рая и золотых гор» казаки не получили. По инициативе Я. М. Свердлова Оргбюро ЦК РКП(б) выпустило драконовскую директиву о «расказначивании». Первым пунктом этого документа предписывалось «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». Учитывая, что практически все население Донской области хотя бы косвенно (поставками продовольствия) помогало войскам Краснова, согласно духу и букве данной директивы, казачество обрекалось практически на полное истребление.

Миронова, чтоб не путался под ногами, отправили на Западный фронт, где он стал сначала помощником командующего, а затем командующим Белорусско-Литовской (с мая 1919 г. — 16-й) Красной армией. Формально это было повышение, однако военные действия на западе не велись, и сам Филипп Кузьмич вполне обоснованно рассматривал новую должность как «ссылку».

За это время Донское бюро РКП(б) на полную катушку раскрутило маховик террора, который рикошетом ударил по самим организаторам. В тылу большевиков вспыхнуло Вешенское восстание, одновременно в наступление перешли войска Деникина и Богаевского. Под натиском противника Южный фронт начал откатываться к Москве.

В критической ситуации Советское правительство попыталось вновь привлечь казаков на свою сторону. Было решено сформировать в Саранске Особый Донской конный корпус во главе с Мироновым. Филипп Кузьмич поначалу отнесся к этому делу с энтузиазмом, но вскоре столкнулся с откровенным саботажем командования фронта и собственных политработников: воспитательная работа не велась, пополнения не прибывали, оружия не хватало. Пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки, он даже подал заявление о приеме в РКП(б), однако наткнулся на довольно грубый и вызывающий отказ.

Вдобавок до Миронова все чаще доходили сведения об ужасах рассказывания. Фактически комкор оказался между двух огней: с белыми ему было не по пути, в красных он разочаровался. В отчаянии Филипп Кузьмич не нашел ничего лучше, как демонстративно проигнорировать приказ Революционного совета и двинуть свой недоформированный корпус на фронт. От стычек с красными частями Миронов воздерживался и в своих листовках подчеркивал, что главными его врагами являются Деникин и империалисты. Общая же суть этих воззваний сводилась к достаточно популярному лозунгу «За Советы без коммунистов».

Большевики объявили Миронова мятежником, и 14 сентября 1919 г. он с небольшой группой сподвижников был арестован отрядом буденновцев под командованием Оки Городовикова.

5 октября 1919 г. Миронов предстал перед Чрезвычайным революционным трибуналом. Ход процесса широко освещался в советской прессе, а заседания суда снимались на киноплёнку. Вердикт оказался суровым: Филипп Кузьмич и десять его ближайших соратников приговорились к расстрелу. Тем не менее в тогдашней обстановке

расправа над популярным «красным казаком» не входила в планы большевиков. Специальным постановлением ВЦИК все осужденные получили помилование. Миронов даже получил свободу и вскоре вошел в состав Донисполкома, где стал заведующим земельным отделом.

Один из политработников писал, что «Миронов есть тревожно мятущаяся душа огромной численности среднего крестьянства и казачества и как человек, преданный социальной революции, может и способен всю колеблющуюся крестьянскую массу увлечь на беспощадную борьбу с контрреволюцией». Большевики еще нуждались в такой мятущейся душе, поскольку в 1920 г. им пришлось столкнуться с двумя опасными и сильными врагами — поляками и Врангелем.

Успехи кавалерийских соединений Думенко, Буденного и Жлобы вдохновили Реввоенсовет республики на создание двух конных армий. 1-ю возглавил Буденный, 2-ю — Городовиков. Вскоре выяснилось, что «старый знакомый» Миронова Ока Городовиков хотя и был неплохим командиром дивизии, однако явно не справлялся с обязанностями командарма. 2-я Конная потерпела ряд неудач как на польском, так и на врангелевском фронтах. Прибывшая инспекторская комиссия отметила в своем заключении, что части армии «почти ничем не отличаются друг от друга, полки плохо съезжены и знакомы только с простейшими построениями. Командный состав мало знаком с уставами, теоретически не подготовлен».

6 сентября 1920 г. новым командующим 2-й Конной назначили Миронова. С ним прибыли казаки-добровольцы из Донской области, и уже через месяц армия преобразилась. К началу октября в ней насчитывалось 6288 сабель, 303 пулемета и 34 орудия.

В начале октября Врангель начал свою Заднепровскую операцию, имевшую целью выход на Правобережную Украину и последующий прорыв к польской границе. Ударной силой этого наступления должна была стать конная группа «бешеного осетина» Н. Г. Бабиева. В период с 11 по

14 октября между красной и белой кавалерией, а также подкреплявшими их пехотными частями разгорелось напряженное сражение, которое сам Филипп Кузьмич назвал «одним из красивейших эпизодов борьбы с контрреволюцией». Победа осталась за 2-й Конной. Главный противник Миронова генерал-майор Бабиев погиб в бою у села Шолохово.

Вплоть до полного занятия Крыма 2-я Конная продолжала успешно сражаться против Врангеля, а слава, которой пользовались мироновцы, могла всерьез соперничать со славой буденновцев.

По окончании военных действий «командарма-2» наградили еще одним орденом Красного Знамени и отозвали в Москву для назначения инспектором кавалерии РККА. Однако в пути он был арестован и в столицу прибыл уже в качестве заключенного. На сей раз ему инкриминировали участие в подготовке нового казачьего восстания на Дону.

Кто именно сделал донос, погубивший «народного заступника», так и осталось неизвестным. До суда дело не дошло, поскольку 2 апреля 1921 г. во время прогулки Филипп Кузьмич Миронов был застрелен часовым во дворе Бутырской тюрьмы.

Донские казаки Краснов и Миронов происходили из разных социальных слоев, и это предопределило сделанный ими в 1917 г. выбор. В своей последующей борьбе они не только махали шашками, но и при случае пользовались пером. Правда, Краснов высказывал свои взгляды главным образом в художественных и публицистических произведениях, Миронов же не поднимался выше агитационных листовок. Впрочем, в условиях Гражданской войны оружие Миронова оказалось более действенным.

Жизненный финал Краснова и Миронова оказался одинаков: так и оставшись непримиримыми врагами, они оба были казнены большевиками. Проповедуемые ими и привычные для любого казака идеалы сытной и привольной жизни никак не вписывались в пропагандистские схемы победившего режима.